

авторов обсуждаемой книги являются также и авторами вышедшего примерно в то же время сборника¹⁵.

Жанр «круглого стола» предполагает полемику по поводу обсуждаемой темы. Однако в данном случае я солидарен с основными тезисами и, главное, с заявленной авторами книги научной позицией, хотя некоторые формулировки в завершающем разделе книги — «Решётки и маркеры (вместо заключения)» (автор Д.А. Редин) — и кажутся мне излишне категоричными. Но спорить с ними бессмысленно: их правомерность надо проверить новыми исследованиями. Сам же факт появления этой чётко сформулированной научной позиции — важное событие, которое станет предметом изучения будущих историков исторической науки. Высказанные выше замечания — это мелкие придирки, обозначающие возможности дальнейшего движения, дальнейшего развития обсуждаемой проблемы.

Дмитрий Лисейцев: Люди и чины: сложные вопросы социальной стратификации России XVI—XVII вв.

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): People and ranks: the complex issues of social stratification in Russia of 16—17 centuries

DOI: 10.31857/S086956870013452-8

Обсуждаемая коллективная монография «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.», несомненно, была обречена стать объектом пристального и заинтересованного внимания исторического сообщества. И не только потому, что члены авторского коллектива книги принадлежат к числу учёных, успевших приобрести репутацию высококлассных специалистов по отечественной истории, а хронологический охват работы настолько широк, что она с неизбежностью будет прочитана исследователями, изучающими отечественную историю последних четырёх столетий — от Московского царства до позднесоветского периода. Сама центральная тематика монографии принадлежит к числу наиболее дискуссионных и в отечественной, и в мировой историографии. Любой историк, вышедший за пределы границ любимой научной темы на более широкий «оперативный простор», рано или поздно задаётся вопросом о том, что из себя представлял в изучаемую им эпоху социум, из каких составных частей он складывался, как было организовано взаимодействие между элементами общественной структуры.

В очередной раз подтверждая справедливость афоризма Козьмы Пруткова относительно подобного флюсу специалиста, я в первую очередь заинтересовался хронологически наиболее ранними сюжетами коллективной монографии, анализом которых в рамках данного обсуждения и хотел бы ограничиться. Вопрос о структуре московского общества XVII столетия человеку, выросшему на советских учебниках, может показаться давно решённым: память услужливо воспроизводит привычный образ «пирамиды», на вершине которой восседает окружённый боярами царь, а в основании гнут спину крепостные крестьяне и холопы. Специалист, занимающийся изучением той эпохи, напротив, отметит крайнюю сложность организации общественного организма Московского государства. Классик отечественной исторической мысли В.О. Ключевский признавал трудности реконструкции чиновной структуры общества допетров-

¹⁵ Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII—XIX века. М., 2018.

ской Руси: «Всего труднее составить полный перечень всех классов в Московском государстве XVI, XVII вв.». Между тем учёный сформулировал основные принципы стратификации русского общества допетровской России, и они продолжают лежать в фундаменте научных представлений о составных частях московского социума (особенно после потери позиций марксистско-ленинским учением о классовой природе отношений в обществе). По определению Ключевского, «общество дробилось на множество иерархических разрядов с незаметными отличительными чертами. Иерархические эти разряды получили особое название — чинов. Можно распределить эти чины прежде всего на две группы: чины служилые и чины земские, или жилецкие люди»¹⁶.

Казалось бы, предложенная историком модель, принятая отечественной наукой, превратилась в аксиому, не подлежащую пересмотру. Известно, однако, как опасны могут быть аксиомы и догмы в науках, особенно в социально-гуманитарных. Рано или поздно они подвергаются проверке и пересмотру, иногда оставаясь незабываемыми, а порой уступая место новым научным схемам и построениям. Именно поэтому разного рода «покушения на авторитеты» в науке можно приветствовать, ведь пока никем не опровергнута известная аксиома Сократа — «В спорах рождается истина». В обсуждаемой монографии очерк о социальной структуре российского общества XVII в. («“Люди” Московского царства»), представляющий собой попытку пересмотра устоявшейся в историографии схемы, вышел из-под пера Михаила Александровича Киселёва. Проанализировав встречающиеся в Соборном уложении 1649 г. случаи употребления термина «чин», исследователь пришёл к заключению о том, что он использовался «как наиболее общее социальное понятие» лишь тогда, когда речь шла о чёрном или белом духовенстве («священнический чин», «иноческий чин»). В прочих случаях слово «чин», указывая на обладание должностью или статусом, как бы поглощается более широким обобщающим понятием «люди» — «торговые всяких чинов люди», «всяких чинов русские люди» и т.д. (с. 129). В итоге Киселёв констатирует, что социальную реальность Московского царства гораздо лучше отражает «режущее слух» выражение «людско-чиновная структура общества», нежели привычная историкам «чиновная структура общества», ведь «именно понятие “люди” было той предельно общей категорией, с помощью которой в московском праве к середине XVII в. строились социальные классификации» (с. 133). Учёный отметил также, что светское законодательство Московского государства преимущественно пользовалось категорией «люди» (ратные люди, служилые люди), тогда как понятие «чин» (например, воинский) было характерно для церковной среды (не указывая, впрочем, чем это может быть объяснено — особым профессиональным лексиконом духовенства или архаичностью языка документов, порождаемых этой средой) (с. 134).

В первую очередь хочу поделиться размышлениями относительно возможности использовать слово «люди» в качестве «предельно общей категории» при построении социальных классификаций. Бесспорно, что понятие «люди» («человек») является понятием предельным, причём не только для Московского государства. Строго говоря, именно из людей и взаимодействий между ними сплетается полотно любого социума — от первобытного до современного, причём вне зависимости от того, идёт ли речь об обществе в масштабах планетарных, или же разговор ведётся о малой социальной группе. С этих позиций

¹⁶ Ключевский В.О. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. Специальные курсы. М., 1989. С. 121.

можно было бы ставить вопрос о критическом пересмотре любой схемы общественной стратификации — сословия, касты, классы, страты в любом случае состоят из людей, и «люди» оказываются «предельно общей категорией» для любой эпохи. Вне зависимости от того, какой критерий мы будем использовать для деления общества на группы и слои, нам придётся сталкиваться с определениями вроде «рабочие люди», «подлые люди», «молодые люди», «люди доброй воли» и т.д. Значит ли это, что следует говорить о «людско-классовой борьбе» или «сословно-человеческой социальной структуре»?

Опираясь на важный памятник российского законодательства — Соборное уложение 1649 г., исследователь насчитал свыше 80 вариантов употребления в нём термина «люди», отметив очевидную неполноту перечня, в котором, например, нет упоминания родословных и неродословных людей, «хотя эти категории имели крайне важное значение для правящей элиты» (с. 130). Это наблюдение Киселёва нельзя не признать верным — жизнь всегда богаче законодательства, и ни один, даже самый продуманный и детально прописанный юридический акт не в состоянии отразить богатство общественных реалий во всех подробностях. Стоит ли, однако, в каждом употреблении слов «люди» или «человек» видеть основание для определения новой социальной группы? Вряд ли можно сомневаться, что состояние здоровья, уровень достатка или наличие родственников, на которых можно опереться в старости, значило для жившего в XVI—XVII вв. человека не меньше, чем «родословность» или «неродословность». Именно поэтому документы того времени пестрят упоминаниями людей «бессемейных», «больных», «маломочных», «недостаточных». Социальные конфликты и уголовная преступность становились поводом для отражения в документах помимо известных Соборному уложению «воровских» также и людей «незнаемых». Местное самоуправление и попытки перенесения земского начала на общегосударственный уровень порождают зафиксированную в документах категорию «выборных» людей¹⁷, а военные нужды позволяют говорить о людях «даточных» и «охочих». Следует ли на этом основании конструировать социальные категории людей «воровских» и «законопослушных», «выборных» и «необлечённых доверием избирателей»? Наконец, понятие «люди» как универсальное естественным образом распространяется в документах XVI—XVII вв. и на тех, кто в подданстве у русских государей не состоял, более того, совершал в отношении членов российского общества враждебные действия, — в источниках постоянно встречаются упоминания о грабежах и убийствах со стороны «литовских», «немецких», «ногайских», «крымских», «калмыцких», «турских» людей. И наоборот, безусловные подданные Московского государства — «мордва», «черемиса», «чуваши», «татары» — в документах того времени, как правило, «людьми» не именовались. Следует ли из этого, что представители этих народов не мыслились частью социума, подобно запорожским казакам («черкасам»)? Стоит ли видеть в этом, вслед за М.А. Киселёвым, противопоставление «всяких чинов русских людей» многочисленным «“чужеземцам”, “татарам, и мордве, и чувашем, и черемисам, и вотякам, и башкирцам”» (с. 129)?

¹⁷ В Соборном уложении «выборные люди» упоминаются, но в значении, не имевшем отношения к соборной практике, с которой мы привыкли связывать «ростки гражданского общества, свободы и демократии». Единственный контекст, в котором составители Уложения 1649 г. посчитали нужным упомянуть «выборных людей», был связан с выборами сторожей и палачей для провинциальных тюрем (Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 128).

Замечу, что Смутное время оставило нам большое количество документов, в которых иноземцев именовали людьми, тогда как русских подданных — нет¹⁸.

Скажу несколько слов в поддержку понятия «чин». Думаю, что заменять его как социальную категорию на термин «люди» было бы неправильно. Киселёв совершенно верно отметил, что слово «чин», как правило, употреблялось в документах в сочетании с понятием «люди» (с. 129). Но последнее понятие, повторюсь, является предельно общим, и чтобы уточнить свой социальный статус, люди XVII в. либо прибегали к уточнению («посадские люди», «торговый человек»), либо апеллировали к понятию чина («посадские всяких чинов торговые люди»). Нельзя сказать, чтобы словоупотребление «чина» было связано исключительно с церковной средой: в челобитных и приказных документах можно встретить, например, упоминания «казачьего чина» или «детей боярских царицына чина»¹⁹. Нередко, впрочем, определяя свой статус, обходились и вовсе без употребления терминов «человек» или «чин», называя себя просто «казак», «сын боярский», «затинщик» или «пашенный крестьянин».

Мне представляется, однако, что именно понятие «чин» было термином, который использовали для обозначения бытовавших в московском обществе социальных групп. Во всяком случае, когда возникала потребность обозначить всеохватывающий характер социальной выборки, этот термин неизменно употреблялся в составе словосочетания «всяких чинов люди» (но отнюдь не «все люди» или «всякие люди»). Если нужно было обозначить, например, всю совокупность лиц, несших службу в ведомстве Конюшенного приказа, появлялась формулировка «Конюшенново приказу всяких чинов людей и стадных конюхов 83 человека»; когда следовало охарактеризовать разорение всех торговых людей отдельного города, челобитчик использовал формулировку «новгородцы посадские тяглые и всяких чинов люди промыслу отбыли»²⁰. Присланные в Москву для участия в Земском соборе дети боярские оказывались в столице «по выбору всяких чинов людей». Подробнейшие перечни привлекаемых к работе соборов категорий подданных Московского государства вообще обыкновенно заканчивались именно этим оборотом: «велено всех чинов людем ехать к Москве»; «государь... указал быти на соборе... митрополитом, и архиепископом, и епископом, и архимаритом, и игуменом, и всему освещенному собору, бояром, и окольничим, и думным людем, и стольником, и стряпчим, и дворяном, и гостем, и торговым и всяких чинов людем Московского государства»²¹. Анализ употребления в документах XVII в. понятия «чин», на мой взгляд, не позволяет отказаться от его использования для обозначения социальных групп того времени. Во всяком случае, для этого нужны более существенные основания, чем предметно-терминологический указатель к тексту Соборного уложе-

¹⁸ Например: «рыбных ловцов побили неметцкие и литовские люди и русские воры»; «чтоб литовские люди и русские воры порубежные мужики... безвестно украдом и оманом... не пришли»; «литовские люди и русские воры... кашинской посад пожгли и посадских людей побили». Было бы заманчиво предположить, что воров и изменников русское общество отвергло и потому отказывалось считать их людьми, но это значило бы согрешить против истины — в документах встречаются и «воровские люди русские воры» (РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Новгород), кн. 13-6, л. 29; ф. 210, оп. 9, д. 6, л. 125; д. 58, л. 431; ф. 396, оп. 1, д. 39420, л. 56—57).

¹⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 8, л. 418; оп. 13, д. 2, л. 403.

²⁰ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 26 (1647 г.), л. 237; ф. 210, оп. 13, д. 8, л. 586.

²¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1836. № 164. С. 279; РГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 48, л. 277.

ния, в котором составители развернули варианты использования слова «люди» на 84 позиции, а для понятия «чин» выделили лишь два варианта («иноческий» и «патриарший») ²².

Какая структура общества Московского государства XVII в. вырисовывается на основе анализа широкого круга документов — челобитных и материалов приказного делопроизводства, сохранивших в себе живой язык и терминологию эпохи? Сразу оговорюсь, что не претендую на то, чтобы приведённая ниже схема воспринималась как исчерпывающая и единственно возможная (тем более, что не являюсь её автором). Прежде всего отмечу, что в понимании русских людей допетровской эпохи совершенно наособицу, в стороне от социума или, скорее, выше него, стояла фигура государя (монарха). Являясь источником права для подданных («как ты, государь, укажешь») и наполняя их жизнь смыслом ²³, царь в глазах его людей находился скорее ближе к Богу, чем к ним ²⁴. Даже мысль о равенстве монарха с подданными по самой человеческой природе воспринималась (и не только в России) как опасное политическое преступление, адекватным наказанием за которое могла быть только смертная казнь. В 1617 г. в Москве едва избежал расправы брат голландского посланника Исаака Массы, по неосторожности поставивший на одну доску с собою английского короля Якова I Стюарта: «применил ево к себе, а молил: деи король де ваш таков, что я, он де человек — яз человек» ²⁵. Таким образом, государь (с семьёй) не был частью социальной структуры общества, он стоял над ним.

По отношению к этой надсоциальной величине с точки зрения правительственного аппарата всё население Московского государства делилось, в полном согласии с упоминавшейся выше схемой В.О. Ключевского, на две неравные категории — «служилых» и «жилецких» людей ²⁶. Первые из них, в соответствии с именованиём, «служили» государю и получали за это государево жалованье; вторые — «жили» в государевой вотчине (под которой понималось Московское государство в целом), неся за это повинности и уплачивая подати. Иногда в эту двухчастную систему включались и другие элементы ²⁷, но с высоты кремлёвских стен «социальные подробности» нивелировались до двух вышеназванных категорий.

Разумеется, при взгляде на социум изнутри его структура оказывается куда как более дробной, и люди Московского государства идентифицировали себя как представителей самых разнообразных чинов, именуясь детьми боярскими, стрельцами, пашенными или торговыми крестьянами, посадскими или гулящими людьми, стольниками, пушкарями, боярами, казёнными плотниками, служилыми иноземцами, подьячими, новокрещенами и т.д. В этом смысле со-

²² Соборное уложение 1649 года. С. 425—426, 433.

²³ «Хотим служить и кровь свою проливать за тебя, государя»; «и он де за государя на катарге живот свой мучил больши года» (РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 5 (1619 г.), л. 195; ф. 210, оп. 13, д. 1 (1618 г.), л. 44).

²⁴ «В том волен Бог да государь»; «кровь проливал многожды за Бога и за тебя, государя»; «стояли под Москвою за Пречистыя Богородицы дом и за тебя, государя» (РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 6, л. 247; оп. 11, д. 3, л. 169).

²⁵ Посольская книга по связям России с Англией 1614—1617 гг. / Сост. Д.В. Лисейцев. М., 2006. С. 137—138.

²⁶ «Городовую... поделку... велено... вновь поделать всякими белгородскими служивыми и жилецкими людьми»; «за рекою за Волуйкою против города Царегородцкой слобода... а живут в ней всяких служилых и жилецких людей двесте человек» (РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 58, л. 454, 677).

²⁷ «Дворяне, власти, и посадские, и всякие жилецкие люди»; «всяким служилым и жилецким людям и уездным» (РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 2 (1619 г.), л. 435; ф. 214, оп. 3, д. 273 (1647 г.), л. 46).

циальная структура московского общества «неисчерпаема, как атом». Выстроить из этого разнообразного социального материала что-то, имеющее классическую пирамидальную форму, вряд ли получится: составные части этой постройки весьма подвижны и не имеют единственного твёрдо установленного места. И этот факт совершенно правильно констатируется в обсуждаемой книге: «право Московского государства не стремилось свести социальную стратификацию к единой иерархической схеме» (с. 132). Действительно, дети боярские «от бедности беспоместной» в заметном количестве пополняли ряды казачества, а казачья верхушка, напротив, вливалась в число помещиков. Пушкарь, именовавший себя в челобитной государевым холопом, наряду с провинциальным сыном боярским, принадлежал к ратным или служилым людям. При этом откупая за несколько тысяч рублей кабаки и таможи, такой пушкарь, безусловно, по способу жизнеобеспечения принадлежал к числу богатейших торговых людей²⁸. Неповторимый колорит и без того пёстрой и динамичной картине, которую являло собой общество допетровской Руси, придаёт географическая разобшённость социальных групп, или, иначе говоря, отсутствие у них осознания «сословного единства» за пределами границ собственного города или уезда: не случайно человек XVII столетия в своих челобитных в первую очередь идентифицировал себя по месту жительства («резанец», «костромитин», «смолянин») и лишь после этого указывал собственно социальный статус («сын боярский», «торговый человек», «есаул» и т.д.).

Я не хочу, чтобы из сказанного мной был сделан вывод о том, что подданные Московского государства не пытались обобщать эту крайне дробную структуру социума и не видели себя частью более широкой общности, нежели «устюжские стрельцы» или «калужские посадские люди». Давно подмечено, что в челобитных, обращаемых к царю, по большому счёту встречается лишь три варианта самоидентификации: «холоп твой, государев», «твой, государев, богомолец» и «сирота твоя, государева». Холопами именовали себя люди служилые, сиротами — жилецкие, богомольцы же принадлежали к числу духовенства. Эта трёхчастная модель, однако, не была присуща исключительно сознанию подданных Московского царства: она вполне универсальна и совпадает с обобщённым социальным портретом европейского общества эпохи Средних веков и раннего Нового времени («те, кто сражаются», «те, кто молятся», «те, кто трудятся») ²⁹. Недалёк от этой трёхчастной схемы деления общества на крупные социальные группы оказался и М.А. Киселёв, заметивший, что «по принципу наличия обязательств перед кем-либо люди делятся на служилых, государевых тяглых, принадлежавших частному владельцу, вольных; к ним примыкают люди священнического и иноческого чина» (с. 130). При всех несомненных различиях и специфике общественно-политического строя Московской Руси и синхронных ей государств Западной и Центральной Европы (также, замечу, порой существенно отклонявшихся от сконструированного историками и социологами шаблона и заметно отличавшихся друг от друга), в основе их структуры лежали общие социальные универсалии. К таким выводам подводит

²⁸ Московский пушкарь Матвей Иванов в начале 1640-х гг. одновременно держал на откупе померную пошлину в столице, кабак и таможду в Ростове и таможду в Туле. Остаётся лишь гадать, как этот «ратный человек» умудрялся совмещать службу, за которую он получал от государя около 10 руб. в год, с бизнесом, имевшим годовой оборот более 7,5 тыс. руб. (РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 36, л. 49—49 об.; ф. 233, оп. 1, кн. 38, л. 283, 293—293 об.; кн. 39, л. 20).

²⁹ *Le Goff Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 239—240.

читателя очень полезная и своевременная книга «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.».

Сергей Красильников: *Размышления о социальной стратификации России/СССР в XX в.*

Sergei Krasilnikov (Institute of History, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk): Reflections on the social stratification of Russia/USSR in the 20th century

DOI: 10.31857/S086956870013453-9

Социальная стратификация объединяет исследователей социогуманитарных наук по своему объекту и разъединяет/дифференцирует их по применяемым подходам и методам. Из весьма квалифицированно выполненного авторами обзора (раздел I) следует, что по своему объекту — это поле деятельности прежде всего социологии и истории. Безусловно, историки не являются простыми «реципиентами» инструментария социальных наук, адаптируя его к целям своих исследований, а выступают творческими посредниками между эмпирическими данными источников о прошлом и теориями, моделями, схемами, в которых оно описывается. Грань между дисциплинами достаточно проницаемая: об этом говорят творческие биографии О.И. Шкаратана, В.Э. Шляпентоха, А.С. Ахиезера и ряда других учёных, предложивших свои модели изучения отечественной социетальной системы в её исторической динамике, свободно оперируя методами обеих наук. При этом очевидно, что структурирование уровней «социального» (макро-, мезо-, микроуровни) остаётся прерогативой социологии. Безусловно, важнейшей остаётся проблема адекватной адаптации историками разработанного социологами инструментария для своих потребностей.

Так, широко ныне распространённый среди историков подход к рассмотрению социоструктурной динамики России/СССР с позиций социального конструирования, или социальной инженерии, т.е. с позиций целей власти по переструктурированию общества «под себя», имеет свои возможности и ограничения. Во все времена существовала и трансформировалась политика государства по регулированию социальных процессов в направлении соотношения интересов власти и групп общества. Это, с одной стороны, учёт социального, демографического, трудового потенциалов населения, стратегии и практики его использования для нужд и целей государства. Но, с другой стороны, есть такие объективно идущие в обществе процессы, как социальная мобильность, миграция, маргинальность, обусловленные интересами больших, средних и малых групп населения, а не только государственными интересами и потребностями. В каждом из названных выше феноменов есть свои грани, измерения которых необходимы. Социальная мобильность — это и процесс, и политика в данной сфере в их очень сложном сочетании. То же следует сказать о миграции и маргинальности. Политика в отношении социальных процессов может приобретать формы содействия и воздействия, может быть наблюдательной/корректирующей/мобилизационной/принудительной, в зависимости от понимания и оценки ситуаций институтами власти.

На наш взгляд, применительно к постреволюционной эпохе, или, как сейчас её принято обозначать, раннесоветской (именно о ней, прежде всего, далее пойдёт речь), исследователи имеют дело с громадными амбициями власти в области социальной инженерии и возможностями их осуществления, учитывая